

RU

Претексты поэтов-символистов в творчестве В. В. Набокова:
диалогический дискурс (А. Блок, А. Белый)

Чжан Хунпин, Коваленко А. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявление специфики диалогических связей Набокова с творчеством поэтов символистов, их роли в формировании художественного мира, философии и поэтики. В статье рассмотрена репрезентация базовых мотивов и образов поэзии серебряного века: образ Вечной женственности, мотив двоемирия и двойничества, базовые семиотические антиномии, роль художника-демиурга, система мотивов, – которые были унаследованы и преобразованы в художественно-эстетической системе Набокова. В русле бахтинской теории диалога рассмотрено движение и взаимодействие мотивов, что способствовало решению эстетической задачи – раскрыть глубинные смыслы, а с другой стороны, создавало ощущение иллюзорности реального мира. Именно этот приём роднит прозу Набокова с романами А. Белого. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале сравнения романа Набокова «Дар» и романа Андрея Белого «Петербург» описан и систематизирован круг тем, мотивов и образов, которые формируют поле диалогического взаимодействия различных структурных элементов художественного произведения, его полифонию как в отдельно взятом тексте, так и между названными двумя романами. В результате исследования установлено, что есть все основания говорить, что Андрей Белый оказал особое влияние на прозу Набокова. Он ценил не только его язык и стиль, но и метафизическую проблематику. Многоплановая концепция космической синхронизации явно напоминает акт символического познания Белого. По мнению обоих писателей источник произведения искусства располагается в потустороннем измерении. Диалогические отношения двух писателей проявляются в обращении к азиатским мотивам, в решении вопроса о природе творчества. Большое количество переключек с Андреем Белым содержится в романе «Дар». Годунов-Чердынцев ссылается на положения Белого о ритме в поэзии, и сам он пародирует его ритмизированную прозу. У обоих писателей актуализируется положение о связи человека с потусторонностью.

EN

Pretexts of symbolist poets in the work of V. V. Nabokov:
dialogic discourse (A. Blok, A. Bely)

Hongping Zhang, A. G. Kovalenko

Abstract. The research aims to identify the specific nature of Nabokov's dialogic connections with the work of Symbolist poets and their role in shaping his artistic world, philosophy, and poetics. The article examines the representation of core motifs and images of Silver Age poetry – the image of Eternal Femininity, the motifs of the dual-world and doppelgängers, basic semiotic antinomies, the role of the artist-demiurge, and a complex system of motifs – which were inherited and transformed within Nabokov's artistic and aesthetic system. Following Bakhtin's theory of dialogue, the study analyzes the movement and interaction of motifs that, while revealing profound meanings, simultaneously create a sense of the illusory nature of the real world. This particular technique links Nabokov's prose with the novels of Andrei Bely. The scientific originality of the study lies in the fact that, for the first time, through a comparison of Nabokov's "The Gift" and Andrei Bely's "Petersburg", it describes and systematizes the range of themes, motifs, and images that form the field of dialogic interaction between various structural elements of the work, reflecting polyphony both within a single text and between the two novels. The study establishes that there are substantial grounds to assert that Andrei Bely exerted a profound influence on Nabokov's prose. Nabokov valued not only Bely's language and style but also his metaphysical themes. The multifaceted concept of "cosmic synchronization" clearly resonates with Bely's act of symbolic cognition. According to both writers, the source of a work of art resides in an otherworldly dimension. The dialogic relationship between

the two authors is manifested in their use of Asian motifs and their treatment of the nature of creativity. A significant number of resonances with Andrei Bely are found in the novel "The Gift": the protagonist, Godunov-Cherdyntsev, refers to Bely's theories on rhythm in poetry and parodies his rhythmic prose. Both writers emphasize the fundamental connection between the human being and the "beyond".

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена важностью изучения вопроса о взаимосвязях Набокова и писателей рубежа XIX-XX под углом зрения принципа диалогизма, предполагающего выход за пределы простого заимствования или влияния одного автора на другого в сферу духовного и эстетического диалога в рамках художественного текста. Дополнительную актуальность теме придает положение Бахтина (1979, с. 364) о том, что диалог текстов осуществляется как «назад», в ретроспекцию, так и «вперед», в перспективу. С этой позиции изучение творчества Набокова требует нового осмысления и научных разработок.

Для решения этого вопроса необходимо было выполнить следующие задачи: выявить корпус текстов, в которых диалогический дискурс проявляется наиболее наглядно и глубоко; выявить «предметы» диалога и формы его реализации в мировоззренческой, эстетической и поэтологической сфере; определить параметры и характер поля диалогического взаимодействия, в котором фокусом внимания художников является представление о природе творчества и художественного акта, принцип двоемирия и потусторонности, мотивная структура, переключки символов, цикличность сюжета.

Материалом для исследования послужили художественные тексты Блока (1997), Белого (1994), Набокова (2002), в частности роман «Дар» и роман «Петербург как наиболее репрезентативные тексты для изучения феномена диалогического дискурса.

Теоретическую базу исследования составляют научные работы, посвященные влиянию поэтики и эстетики Серебряного века на творчество Набокова: О. Ю. Сконечная (1996), W. S. Kissel (2007), П. А. Суслов (2012), А. В. Мазур (2008), И. Н. Коржова (2010). Темы диалогических отношений Набокова и Блока, образные аллюзии и идейные переключки отражены в трудах В. П. Старка (1999), А. А. Долинина (1991), Д. Бетеа (1995), С. Сендеровича, Е. Шварц (2000), В. В. Шадурского (2000; 2004), А. В. Леденева (2005). По теме, связанной с А. Белым, имеется значительное количество работ отечественных ученых, в которых раскрывается специфика художественного пространства и времени, наследования мотивов и символов, – О. Ю. Сконечная (2015), Д. А. Бережнов (2022) – и зарубежных исследователей – Д. Б. Джонсон (1981), Ж. Хетени (2022), М. Левина-Паркер (2006), М. В. Медарич (2000).

Для проведения сопоставительного исследования Набокова и поэтов Серебряного века в данной статье применена комплексная научная методология. Благодаря опоре на культурно-исторический метод раскрываются отражение в текстах исторической атмосферы рубежа веков, след русской истории XIX века (Н. Г. Чернышевский), социальный и исторический контекст русской эмиграции 1920-1930-х годов. Использование сравнительно-исторического метода позволяет проследить наследование, трансформацию и творческое развитие тех или иных мотивов, образов, жанра романа. Структурно-семиотический метод позволил вскрыть общность структурообразующих элементов романов А. Белого «Петербург» и «Серебряный голубь» с романом В. Набокова «Дар». Интертекстуальные диалогические переключки обнаруживаются при сопоставительном структурно-семиотическом разборе романа «Отчаяние» и романа «Серебряный голубь». Мифопоэтический подход позволил раскрыть общность буддистских мотивов у обоих писателей.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов в практике преподавания русской литературы, при разработке и чтении теоретических курсов, практикумов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, сравнительного литературоведения, теории литературы, спецкурса по модернизму, методологии исследований.

Обсуждение и результаты

Творчество Набокова опирается на художественные принципы традиционной русской литературы и эстетики Серебряного века. Именно во время расцвета русского искусства Серебряного века у него сформировался уникальный способ восприятия. Дух символизма повлиял на мировоззрение, эстетическую, художественную философию и поэтическую идентичность Набокова. Художественный диалог с символизмом является постоянной чертой его работ и фактором их уникальности.

«Упадок русской литературы периодов 1905-1917 годов, – писал Набоков, – есть советская выдумка. Блок, Белый, Бунин, да и другие пишут лучшие свои вещи. И никогда – даже во времена Пушкина – не была поэзия так популярна. Я рожден этой эпохой, я вырос в этой атмосфере» (Цит. по: Александров, 1999, с. 75). На Набокова оказывал немалое влияние Блок, которым Набоков восхищался. Он видел в Блоке своего учителя и называл его «величайшим русским поэтом первых двух десятилетий нынешнего века» (Цит. по: Александров, 1999, с. 75). В юности Набоков видел себя поэтом «блоковской эпохи». Псевдоним «Сирин» является знаком его литературной идентичности. Восхищение Набокова Блоком ярко отразилось в его стихах. Набоков вписывается в единую творческую систему символизма. Однако, как полагает О. Сконечная (2003), его художественное двоемирие,

унаследованное от символистов, не совпадает ни с одной из символистских разновидностей этого явления. Исследователи Набокова склонны приписывать ему близость к тому вектору символизма, который культивировал приоритет эстетизма, обожествление творца, антропоцентризм, статус творчества как сакрального акта. В диалоге с символистами обозначился приоритет образа художника-демиурга, создающего собственный мир и наполняющего его божественными формами – метафорами, ритмом, синтаксисом. Такие особенности поэтики, как двойничество, соединение в одном образе разнородных мифологических, культурных и философских мотивов, парадоксы смыслов, пародия, приходят к Набокову из символизма. Набоков стремится создать сверхязык искусства, который преодолет «смертную мысль». От символизма перешло к Набокову представление о множественности и противоречивости мотивов, игра противоположными смыслами. Базовые семиотические антиномии литературы Серебряного века (жизнь – смерть, сон – явь, конечное – бесконечное, высокое – низкое, духовное – пошлое) составляют основу поэтики. Разумеется, связь художника с Серебряным веком имеет персонализированный характер, он заключается в диалогах с конкретными представителями русской литературы. Круг этих представителей довольно обширен, среди них есть В. Соловьев, Ф. Сологуб, И. Бунин, В. Ходасевич, А. Ахматова, М. Цветаева, но есть в нем те, кто особенно дорог писателю и кто, наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Чеховым, стал его условным «собеседником» и соучастником диалога. К ним относятся Блок, Белый и Гумилев.

Диалог с Блоком

Любовь к Блоку и диалог с ним ясно отразились прежде всего в набоковской поэзии. Ему посвящено достаточно большое количество стихотворений. Книга стихотворений «Гроздь» (1923) содержит цикл «На смерть Блока». Образы из «Стихов о Прекрасной Даме» и «Незнакомки» «мерцают» в темах и слове набоковских стихов. В теме любви явственно ощутима платоновская идея объединения двух душ, некогда разделённых, в единое целое. Эта мистическая концепция любви найдёт своё воплощение в прозе Набокова 1920-х гг.

Как утверждает А. В. Леденев, диалог Набокова с Блоком звучит в романе «Машенька». Многочисленные аллюзии, на которых строится таинственный образ Машеньки, указывают на пародийное звучание младосимволисткой мифологемы Вечной Женственности: «В общем контексте набоковской прозы в «Машеньке» проступают пока ещё осторожные экскурсы автора в сферу пародийной интертекстуальности, обыгрывания тем и мотивов поэзии начала XX века» (Леденев, 2005, с. 19). Главный герой романа «Защита Лужина» увидит в своей будущей жене нечто давно знакомое и близкое. Федор Годунов-Чердынцев будет рассматривать встречу с Зиной Мерц как некий начертанный судьбой трансцендентальный узор, в который вплетена и его судьба.

Анализ женских образов романа дает основание предполагать, что «дух» Прекрасной Дамы витает над всеми романами Набокова. Как полагает М. Идрисова (2007), в женских образах отчетливо выделяются два типа: мать героя и избранница героя. Они так или иначе несут на себе отблеск блоковской Прекрасной Дамы, и в наибольшей мере – избранница. Образ избранницы меняется от романа к роману, претерпевает изменения. Большинство этих образов является несостоявшимися спутницами для главного героя – Машенька («Машенька»), жена Лужина («Защита Лужина»), Ваня (Варвара) («Соглядатай»), Соня Зиланова («Отчаяние»), Марфинька («Приглашение на казнь»). В последнем романе «Дар» Набоков создает образ избранницы, которая становится идеальной спутницей жизни главного героя. Основа их отношений – глубинное духовное родство и единство, осознание избранницей предназначения героя и готовность следовать за ним.

Женские образы играют важную роль в смысловой канве произведений, так как они оказываются причастными к реализации героем метаромана его экзистенциальной задачи – возвращения «потерянного рая» (Ерофеев, 1988). Они являются одновременно и частью этой задачи, и инструментом ее реализации. Инвариантные образы матери и спутницы могут видоизменяться от романа к роману, в зависимости от романной концепции. Но смысловым центром «рая» в отношении женского начала является любовь к избраннице. Героя и его «Прекрасную даму» объединяет глубинное духовное родство («Дар»), любовь к избраннице становится для героя стимулом к раскрытию себя как личности («Подвиг», «Дар»), посредством любви герой утверждает свои духовные силы («Приглашение на казнь»), с ее помощью оказывается способным к духовному возрождению, воскресению («Машенька»). Идеальной реализацией любви к избраннице оказывается обретение верной спутницы жизни («Дар»), которая не просто становится женой (такой вариант с неудовлетворительным исходом находим в «Защите Лужина»), но является «всепонимающей» музой, подлинной «Прекрасной дамой», несущей в себе, по убеждению И. Смирнова (2016), набоковский вариант реализации софийной сущности «Вечной женственности».

Диалог с А. Белым

Считается, что Андрей Белый произвёл «стилистическую революцию в прозе». Он насытил её мотивами, которые несут на себе усиленную сематическую нагрузку. При этом мотивика играет в тексте большую роль, чем другие структурные «компоненты», например, сюжет и система персонажей. Именно система мотивов придаёт прозе насыщенную «символическую многослойность и многозначность» (Силард, 1984, с. 205) и, добавим, формирует поле диалогического взаимодействия различных структурных элементов художественного произведения, его полифонии. Здесь следует оговориться, что под мотивом подразумевается расширенная трактовка мотива, предложенная Б. М. Гаспаровым в дополнение или в противовес мотиву в теории А. Н. Веселовского. В роли мотива может выступать любой «смысловой знак» – черта характера, предмет, звук, событие, – обладающий на протяжении текста устойчивостью, развитием и смысловой нагрузкой.

В художественной картине мира пространственные и временные планы, тематические ряды, сюжет и характеры отодвигаются на периферию, подчиняясь таким образом динамической мотивной структуре. Подобная структура вполне отвечала поэтике символизма, где акцент ставился на особенностях формы – ритма, цвета, звука, музыки, – с идеей манифестации Единого целого в единичном и индивидуальном.

Увлечение А. Белым переживает в «Даре» Годунов-Чердынцев. В поисках своего стиля и индивидуального поэтического почерка он обращается к изучению ритма и размера. А. Белый убедил юного поэта в существовании «точного» литературоведения, статистики подсчетов рифм, ритмов, слогов, словесных рядов, графиков и таблиц. Набоков был загипнотизирован методом поэта-символиста. Оказывается, стихи обладали статистической точностью, которую можно было понять, если подсчитываешь ударения и полуударения, переводишь их в схемы и фигуры. Просмотрев свои традиционные четырехстопники, юноша *«страшно был огорчен преобладанием прямой линии, при отсутствии трапеций и прямоугольников; и с этой поры, в продолжение почти года, – скверного, грешного года, – я старался писать так, чтобы получалась более сложная и богатая схема»* (Набоков, 2004, с. 332).

Влияние А. Белого многообразно и разнообразно. Своеобразным продолжением эксперимента А. Белого служит написание романа «Король, дама, валет». Четыре Симфонии поэта-символиста послужили примером для создания эпического повествования по принципу музыкального контрапункта, для которого в качестве композиционного и структурного «каркаса» он избрал музыкальную модель вальса (Букс, 1998, с. 46).

Набоков восхищался романом «Петербург», и есть все основания говорить, что этот романа оказал особое влияние на его прозу. Он ценил не только язык и стиль, но и метафизическую проблематику. Многоплановая концепция космической синхронизации явно напоминает акт символического познания Белого. По мнению обоих писателей, источник произведения искусства располагается в потустороннем измерении.

Переключка с «Петербургом» проявляется в решении вопроса о природе творчества. По Годунову-Чердынцеву, художественное произведение возникает спонтанно и независимо от воли автора, оно продиктовано ему свыше, внешними силами, словно «кто-то внутри него, за него, помимо него, все это уже принял, записал и припрятал» (Набоков, 2004, с. 204). Творец обладает даром духовного видения, он способен выступить реципиентом потустороннего «зерна», из которого произрастает художественное произведение.

Аналогичным образом представлена в «Петербурге» связь персонажей с «иным миром». Мистические силы вторгаются в их сознание. Не только персонажи, но и авторы-повествователи в обоих романах считают себя заложниками этих сил, которые являются источниками порождения романа.

Диалогические отношения двух писателей проявляются в обращении к азиатским мотивам. Федору кажется, что его судьба формируется потусторонними силами. Его по жизни ведёт дух отца, который посвятил жизнь изучению Азии. Образ Аполлона Аполлоновича у Белого, по мнению В. Е. Александрова, так или иначе ассоциируется с «панмонголизмом в эсхатологии В. Соловьева» (1999, с. 264).

«Отголоски» «Петербурга» и «Котика Летаева» обнаруживаются в «Даре», «Защите Лужина», «Приглашении на казнь». Наиболее концептуально заимствование идеи тесной связи в художественном произведении реальности и воображения, их тождественности. В конце первой главы «Петербурга» находим утверждение А. Белого, что его фантазии в глазах читателя будут так же реальны, как и его собственная жизнь. Аналогичным образом эта идея утверждается в романа «Дар». Схожие мысли о связи между искусством и потусторонностью у Белого и Набокова обнаруживаются в их работах о Гоголе.

И Белому, и Набокову близка романтическая ирония. Она заключается в том, что автору свойственно «вторгаться» в ход сюжета как самостоятельный персонаж и делать комментарии или дополнения.

Показателен в этом отношении фрагмент первой главы романа «Петербург». По ходу повествования на сцену неожиданно вступает автор с утверждением, что все события, представленные читателю, являются порождением фантазий автора. В целом ряде набоковских романов мы обнаруживаем такого рода диалоги автора и читателя, где обнажается прием «зеркального письма». Белый последовательно раскрывает в тексте романа механизм порождения «иллюзий», их источником является «мистическая сила», а автор выступает в качестве проводника.

О. Сконечная показывает в своей работе «Черно-белый каледоскоп», что, несмотря на расхождения двух художников в оценке личности Чернышевского, «идеи Андрея Белого о метафизической сущности художественных форм, о сверхъязыке искусства близки Набокову, органичны для его творчества» (1997, с. 683).

Влияние А. Белого трудно переоценить. Благодаря символистскому роману «Петербург» в романе «Дар» и других произведениях мы обнаруживаем особенности поэтики, «вдохновителем» которых является именно А. Белый: наличие здешнего и потустороннего миров (двоемирие), цикличность развития сюжета, символика круга как знака метафизической целостности, жизнь героя в разных реальностях и лицах, поэтика зеркальности.

Диалогизм «Дара», в сущности, вмещает в себя «тройственный диалог». Во-первых, это диалог Чернышевского и Белого (который хоть и отсутствует в романе непосредственным образом, но, как показывает О. Сконечная, является скрытым и чрезвычайно важным персонажем произведения). Во-вторых, диалог Годунова-Чердынцева с Чернышевским, который осуществляется в ходе написания жизнеописания, в-третьих – диалог Годунова-Чердынцева с Белым, который внешне вынесен за пределы текста, но внутренне является «платформой», на которой строится эстетика Годунова-Чердынцева (Набокова).

В «узорах судьбы» Чернышевского и Белого есть немало точек сближения и совпадения. Гражданская казнь Чернышевского и его последующая ссылка в Сибирь уподобляются эпизоду эмиграции Белого в Германию,

где его ждёт испытание в «царстве теней». Обе фигуры являются олицетворением драмы плена и свободы. Оба героя, явный и «скрытый», в тексте связаны между собой. Мостиком между эпохами становится образ Саша, сына Чернышевского, который пошел по «иному пути», в круг интересов которого вошел символизм.

А. Белый передает в наследство Набокову концепцию художника-демиурга. Искусство иррационально, оно отказывается от земной логики, нарушает привычные причинно-следственные связи. Миссия художника, согласно символистской концепции, заключается в сотворении «нового неба» и «новой земли», «новой реальности». Искусство есть процесс преодоления земной материальности, овладения Пространством и Временем с помощью слова (Белый, 1910, с.72). Все названные принципы стали метафизической базой Набокова, которая, в частности, декларируется в его программной статье «Искусство литературы и здравый смысл».

Диалогизм Набокова и Белого проявился в разных аспектах. На раннем этапе творчества Набоков интересовался теорией стихосложения Белого. Позднее, преподавая в американском университете, он обращался в учебных целях к работам Белого, использовал различные схемы и таблицы. В рассуждениях Набокова встречается много идей, так или иначе уходящих корнями в эстетику Белого-символиста.

В прозе Набокова множество мотивов, происхождение которых можно приписать Белому. Образ Чернышевского в романе «Дар» так или иначе связан с Белым. Прежде всего через символистскую антиномию белого и чёрного цветов, которая очевидным образом соотносится с этимологией фамилий. Фигуры двух личностей связаны друг с другом отношениями двойственности. Они столь же различны, сколь и схожи. Белый сочувственно воспринимал политические взгляды Чернышевского и в целом его личность. В эстетическом плане, в отношении к пониманию природы искусства они были антиподами.

В прозе Набокова, в частности в романе «Дар», прослеживается символика круга. В мировой литературе символ круга имеет значение бесконечности, совершенства и гармонии. В насыщенной символистской геометрией романе А. Белого символика круга занимает особое место. Среди прочих работ на эту тему интересно наблюдение исследователя, который интерпретирует город у Белого следующим образом: Нева «берет в кольцо» Невский проспект, центр города, «Нева словно “разбивает” город на небольшие островки и окружает его, образуя своеобразный круг ада» (Драйсави, 2018, с. 409). Мотив круга развивается, приобретает форму спирали как выхода из ситуации порочных повторов, прерывания «дурной бесконечности». В тексте «Дара» рассыпаны многочисленные отсылки, скрытые цитаты и аллюзии, уводящие к Белому, лишние раз подтверждающие, что автор и его главный герой находятся в состоянии непрерывного диалога с художником-символистом, то соглашаясь с ним, то полемизируя.

Общей темой обоих романов является буддизм. В «Петербурге» Белый отдал дань популярности буддистской тематике в культуре Серебряного века. В «Даре» Годунов-Чердынцев-старший, совершая путешествия по Тибету и Китаю, интересуется буддистской философией. Можно предположить, что мотив его исчезновения на Востоке сознательно используется Набоковым в романе для создания буддистского контекста. В обоих романах присутствует буддистский мотив Пустоты, на что указывают отдельные фрагменты текстов.

Набоков, несомненно, следует за Белым в использовании поэтики отражений. Зеркальность, двойничество, парность образов, повтор мотивов и образов – характерная особенность романов, имеющая целью создание эффекта подвижности и изменчивости мира, подвижности границы между реальностью и иллюзорностью. В других случаях подчёркивается замкнутость сознания, его следование штампам, показ порочного круга дурной действительности. Автор стремится предложить пародийное или «карикатурное воспроизведение вечно воспроизводимой идеи, героев, исторических лиц и пророков» (Сконечная, 1997, с. 689).

Вслед за Белым Набоков использует принцип многократного наслоения реминисценций. Портреты характеров могут переписываться, даваться под другим углом зрения, сюжет может строиться на разных координатах. Используя технику Белого, Набоков достигает особого эффекта: сталкиваются друг с другом цитаты, иногда несуществующего автора, аллюзии, подсказки. Они придают объёмность смыслу, отменяют один смысл и наполняют образ новым смыслом, угадывание которого предлагается читателю.

Подобно Белому, Набоков использует приём автопародирования. У Набокова и Бродского обнаруживается мотив Пустоты. Они существуют в различных контекстах, в том числе на фоне буддистского антуража. Мыслью о Нирване, или Ничто, занято сознание Николая Аполлоновича Абреухова в «Петербурге». Мотив Пустоты «разбросан» в тексте «Дара». Так, ссылка Чернышевского и путешествие Годунова-Чердынцева старшего проходят в местах распространения ламаизма. В одном из фрагментов романа есть упоминание гранитных глыб, которые встретились на пути, на них начертана мистическая формула буддизма: «Ом мани, падме хум».

По мнению О. Сконечной, мотив света как противопоставления тьме «является скрытой аллюзией на буддистскую Шуньяту – пустоту, к которой восходит иерархия просветлённых существ – Ботхисатв и Будд» (1997, с. 694). Круговые движения мотивов «Петербурга» и «Дара» воспроизводят модель буддистской сансары.

Следы диалога с А. Белым обнаруживаются в повести Набокова «Отчаяние». Ж. Хетени (2022, с. 41-51), сопоставив его с романом А. Белого «Серебряный голубь», показала, что влияние А. Белого на Набокова имело многоплановый характер. Оно не ограничивалось наследованием тем и мотивов или ученичеством, а приобрело характер преодоления традиций и сложных трансформаций. Итогом стала амбивалентная по натуре пародия идейного и мировоззренческого плана. Исследовательница предлагает новую трактовку романа «Отчаяние» как *философского романа*. Отвечая А. Белому и всей эстетике Серебряного века, Набоков опровергает символистскую теорию жизнотворчества. Он проводит тройное сопоставление – Германа, Дарьяльского

и Раскольниковы, – которые становятся объектом пародии. Наследие Достоевского воспринято и интерпретировано Набоковым через наследие символизма. В центре исследования анализ полигенетической коннотации образа палки, охватывающего культурные коды мифических аллюзий, античной и сакрально-библейской традиции и косвенных интертекстуальных литературных перекличек.

Диалог с Белым заключается в том, что Набоков принял метод Белого для собственного переосмысления классического наследия. Набоков воспринял «призму» символизма как исследовательский инструмент. Не случайно монография Набокова о Гоголе вышла в свет спустя 10 лет после публикации книги Белого «Мастерство Гоголя» (1934). Она стала продолжением диалога. Если Белый рассматривал творчество Гоголя в русле своих символистских концепций, то Набоков, соглашаясь с ним, дополняет ее своей концепцией Гоголя как создателя гротеска, мотива «потустороннего», мотива пошлости. Методология Белого ощущима также в описании нарративной структуры Гоголя в «Мертвых душах» и «Шинели». Наконец, у Набокова получила дальнейшую разработку орнаментальная проза (Медарич, 2000, с. 333-340). Ж. Хетени проводит семиотический анализ образа палки как важнейшей функционально насыщенной детали у Белого в «Серебряном голубе» и у Набокова в «Отчаянии», в результате которого делается вывод о «мифопоэтическом полисемантизме тропов», «смелых игровых скачках от одной культурной ассоциации к другой» (2022, с. 48).

Заключение

1. Серебряный век оказал решающее влияние на прозу Набокова. Так, лирику Блока, в особенности «Стихи о Прекрасной Даме», можно рассматривать как фактор, сформировавший мироощущение раннего Набокова. Женские образы писателя несут на себе «след» Прекрасной Дамы. Они играют важную роль в смысловой канве произведений, так как оказываются причастными к реализации героем метаромана его экзистенциальной задачи – возвращения «потерянного рая». Решающее влияние на поэтику Набокова оказал Андрей Белый, с которым Набоков вел творческий диалог всю жизнь. Работы Андрея Белого по символизму, романы «Петербург», «Котик Летаев», «Серебряный голубь», монография «Мастерство Гоголя» были источником материалов для совершенствования мастерства.

2. «Предметами» диалога Набокова и поэтов-символистов являются мировоззренческие установки, эстетические позиции и поэтика. Так, в тексте романа «Дар» рассыпаны многочисленные отсылки, скрытые цитаты и аллюзии, уводящие к Белому. Они подтверждают факт непрерывного диалога с художником-символистом. Poleмика с ним осуществляется по вопросам природы творчества и роли художника. Центральное место занимает вопрос о «потусторонности» и двоимирии, в интерпретации которого художники имеют точки схождения и расхождения.

Сопоставление «Петербурга» и «Дара» позволяет обнаружить перекличку в решении вопроса о природе творчества. Художественное произведение, по Андрею Белому и по Набокову, – не зависит от воли автора, оно продиктовано внешними силами. Творец обладает даром духовного видения, способен выступить реципиентом потустороннего измерения.

Многоплановая концепция космической синхронизации Набокова очевидным образом коррелирует с актом символического познания Белого. По мнению обоих писателей, источник вдохновения, или епифании, располагается в потустороннем измерении.

Благодаря символистскому роману «Петербург» в романе «Дар» и других произведениях мы обнаруживаем особенности поэтики, «вдохновителем» которых является именно А. Белый: наличие здешнего и потустороннего миров (двоимирие), цикличность развития сюжета, символика круга как знака метафизической целостности, жизнь героя в разных реальностях и лицах, поэтика зеркальности.

Общей темой обоих романов является буддизм. В «Петербурге» Белый отдал дань популярности буддистской тематике в культуре серебряного века. В «Даре» Годунов-Чердынцев-старший, совершая путешествия по Тибету и Китаю, интересуется буддистской философией. Можно предположить, что мотив его исчезновения на Востоке сознательно используется Набоковым в романе для создания буддистского контекста.

3. Движение и взаимодействие **мотивов** способствовали решению эстетической задачи – раскрыть глубинные смыслы, а с другой стороны – создавали ощущение иллюзорности реального мира. Именно этот приём роднит прозу Набокова, в особенности роман «Дар», с «Петербургом» А. Белого.

Набоков несомненно следует за Белым в использовании **поэтики отражений**, частными проявлениями которой являются мотивы зеркальности, двойничества, парности образов, имеющие целью создание эффекта подвижности и изменчивости мира, зыбкости границы между реальностью и иллюзорностью.

Вслед за Белым Набоков использует принцип многократного **наслоения реминисценций**. Портреты характеров могут переписываться, даваться под другим углом зрения, сюжет может строиться на разных координатах. Используя технику Белого, Набоков достигает особого эффекта: сталкиваются друг с другом цитаты, иногда несуществующего автора, аллюзии, подсказки. Они придают объёмность смыслу, отменяют один смысл и наполняют образ новым смыслом, угадывание которого предлагается читателю.

В итоге следует отметить, что проблема диалогического дискурса Набокова имеет перспективу дальнейшего исследования. Она включает потребность в изучении диалога в других произведениях большой и малой прозы, в том числе творчество американского периода. Перспективным видится вопрос о диалоге с современниками, представителями российской эмигрантской прозы, а также с классиками модернистской

литературы Европы и Америки. Как разновидность «диалога с будущим», или «диалога с Набоковым», интерпретируется наследование поэтики и философии Набокова его «потомками» – современными писателями.

Материалы исследования | Research materials

1. Белый А. Собрание сочинений. Петербург: роман в 8 главах с прологом и эпилогом / послесл. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1994.
2. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / отв. ред. Ю. К. Герасимов. М.: Наука, 1997. Т. 1. Кн. 1. Стихотворения (1898-1904).
3. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 4.

Источники | References

1. Александров В. Е. Набоков и потусторонность: Набоков и Серебряный век русской культуры. СПб.: Алетей, 1999.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.
3. Белый А. Символизм. М.: Мусагет, 1910.
4. Бережнов Д. А. О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков) в свете философии А. Бергсона // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № (4).
5. Бетеа Д. Набоков и Блок // Спутник гирлянды Владимира Набокова / ред. В. Александров. Нью-Йорк, 1995.
6. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
7. Джонсон Д. Б. Белый и Набоков: сравнительный обзор // Русская литература. 1981. № 9.
8. Долинин А. А. Набоков и Блок // А. Блок и русский постсимволизм: тезисы докладов научной конференции, Тарту, 22-24 марта 1991 г. Тарту, 1991.
9. Драйсави Х. М. катим. «Петербург» и «Петербургская тема» в романе А. Белого // Преподаватель XXI век. 2018. № 2-2.
10. Ерофеев В. Русский метароман В. Набокова, или В поисках потерянного рая // Вопросы литературы. 1988. № 10.
11. Идрисова М. М. Концепция женского мира в русских романах В. В. Набокова: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2007.
12. Коржова И. Н. Драматургия В. В. Набокова в контексте театральных исканий Серебряного века: дисс. ... к. филол. н. М., 2010.
13. Леденев А. В. Поэтика и стилистика В. В. Набокова в контексте художественных исканий конца XIX – первой половины XX века. М., 2005.
14. Левина-Паркер М. Повторение. Répétition. Репетиция? Об одной повествовательной стратегии у Набокова и Белого // Сошкин Е., Левинг Ю. Империя Н. Набоков и наследники. М.: НЛО, 2006.
15. Мазур А. В. Религиозные мотивы в поэзии В. В. Набокова // Проблемы исторической поэтики. 2008. Т. 8.
16. Медарич М. В. Набоков в русле орнаментальной прозы // Revue des études slaves. 2000. № 7.
17. Сендерович С., Шварц Е. Александр Блок в балаганчике Владимира Набокова // Russian Literature. 2000. Vol. 48. № 4.
18. Силард Л. Вклад символизма в развитие русского романа // Studia Slavica. Budapest. 1984. Vol. 30.
19. Сконечная О. Люди лунного света в русской прозе Набокова (К вопросу о набоковском пародировании мотивов Серебряного века) // Звезда. 1996. № 11.
20. Сконечная О. Русский параноидальный роман. Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
21. Сконечная О. Традиции русского символизма в прозе. В. В. Набокова 1920-1930-х гг. // Проблемы неклассической прозы / сост. и гл. ред. Е. Б. Скороспелова. М.: ТЭИС, 2003.
22. Сконечная О. Черно-белый калейдоскоп // В. В. Набоков. Pro et contra: антология. СПб., 1997. Т. 1.
23. Смирнов И. Логико-философский роман «Дар» // Звезда. 2016. № 2.
24. Старк В. П. А. А. Блок в художественных отражениях В. В. Набокова // Набоковский вестник. 1999. № 4.
25. Сулов П. А. Поэзия В. Набокова: Соловьевский след // Соловьевские исследования. 2012. № 1 (33).
26. Шадурский В. В. А. Блок в художественном мире Набокова // Александр Блок и мировая культура: материалы научной конференции, Великий Новгород, 14-17 марта 2000 г. Великий Новгород, 2000.
27. Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород, 2004.
28. Хетени Ж. Прах и промах. А. Белый и В. Набоков: полигенетизм, параллель, пародия [“Prakh” and “Pro-makh”] (Ashes and Failures). A. Belyi and V. Nabokov: Polygenetics, Parallelism, and Parody // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2022. № 66 (1). <https://doi.org/10.1556/060.2021.00004>
29. Kissel W. S. Русское творчество Владимира Набокова как синтез модернистских течений серебряного века // Modernités Russes. 2007. № 7.

Информация об авторах | Author information

RU

Чжан Хунпин¹

Коваленко Александр Георгиевич², д. филол. н., проф.

^{1, 2} Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва

EN

Hongping Zhang¹

Alexander Georgievich Kovalenko², Dr

^{1, 2} Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow

¹ z17861520732@163.com, ² ak-taurus@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.02.2026; опубликовано online (published online): 24.02.2026.

Ключевые слова (keywords): роман В. Набокова «Дар»; А. Блок; роман А. Белого «Петербург»; диалогические отношения писателей; интертекстуальные переключки; V. Nabokov's novel "The Gift"; A. Blok; A. Bely's novel "Petersburg"; dialogic relationships between writers; intertextual resonances.